

Внеся письмо, Ло Юнь увидел двух явно наспех одетых мужчин, но в лице, естественно, не изменился, словно совсем не обратил внимания, и на полном серьёзе начал:

— Молодой господин, вот письмо из Юэчжун. — Перед тем как вручить, охранник без утайки раскрыл его и на глазах у князя проверил на яд, и только тогда отдал Фэн Мину.

Следовавший везде по пятам за Ло Юнем Жун Ху также вошёл следом и, молча посмотрев на читающего письмо князя, не выдержал и словно с некой тяжестью на сердце спросил:

— Князь Мин, есть какие-нибудь новости от Ле-эра?

— Нет, — Фэн Мин, пробежав взглядом по строкам, слегка нахмурил изящные чёрные брови. — Повсеместный поиск не дал результата, Ле-эр словно сквозь землю провалился. Юн И в письме сказал, что перед тем, как Ле-эр уехал, он изложил принцу в общих чертах свой маршрут, обещая по приезду в любой город или посёлок у городских ворот оставлять специальную метку, дабы сообщить Юн И место своего нахождения.

На что Жун Тянь вернул:

— Ну конечно, Ле-эр хоть и молод, но всё же опытный слуга. Покинув пределы дворца в одиночку, он действует с осторожностью и совершенно не позволит своим людям потерять своё местонахождение.

Заметив тревогу на лице Жун Ху, князь понял, что телохранитель очень обеспокоен насчёт безопасности младшего брата, потому, прочитав послание, отдал его мужчине, позволяя ему тоже ознакомиться с содержанием, после чего прервал молчание:

— Принц Юн И сказал, что направил своих людей разобраться: они обнаружили метку Ле-эра на пристани Фэньчен, но следы его теряются, кажется, он пропал именно там.

Не находящий себе места Жун Ху одним взглядом охватил десять строк[1], последняя фраза вселила немного спокойствия, и силэйский телохранитель проговорил:

— Принц Юн И уже решил покинуть Юэчжун и лично отправиться в Фэньчен, дабы всё разузнать. Надеюсь, ему скоро удастся найти Ле-эра.

Фэн Мин с любопытством посмотрел на Жун Ху:

— Кажется, ты очень уверен в принце Юн И. Неужели он более потрясающий, чем Мян Я?

Мян Я, выбранный Жун Тянем на разведывательную должность, имел в своём подчинении бесчисленное количество лазутчиков, более того, сам Мян Я по своей природе являлся

скрупулёзным, крайне сметливым, смело действующим и шустрым, поэтому в княжеских глазах его кандидатура на поиски Ле-эра была лучшей.

Стоящий сбоку Жун Тянь погладил по мягким чёрным волосам любимого феникса и, низко смеясь, напомнил:

— Фэн Мин слишком недооценивает Юн И, который несколько лет назад заманил нас в комнату, набитую промасленными тряпками, под предлогом встретиться [2], как ты мог забыть? Тогда, если бы наши слова хоть чуть-чуть разошлись с его мнением, то он, переполненный смелости, спалил бы нас живьём. Этот человек в решающий момент должен исполнить свою роль, как и подобает принцу, вот только он не хочет ввязываться в борьбу за императорскую власть, поэтому занял пассивную позицию, затаившись в своём убежище, к тому же, беря во внимание Ле-эра и заботу о нём, Его Высочество поддерживает с нами дружеские отношения. Ты не замечаешь, насколько он потрясающий, иначе отправил бы этот государь такого талантливого слугу, как Ле-эр, к нему, позволив им любить друг друга?! Если бы он сильно не разочаровался в невероятно истощённом и погружённом в хаос императорском роде Юньинь и не пал духом, к тому же если бы не любовь Ле-эра, которого он любит вопреки всему, что согласился оставить титул наследного принца Юньинь, дабы вместе с Ле-эром жить безмятежно, то, боюсь, в будущем у моего Силэй появился бы достойный соперник.

Подвергшись мягкому укору со стороны любимого мужчины, Фэн Мин, наоборот, принял радостный и спокойный вид:

— Если он действительно, как ты говоришь, такой потрясающий, то это хорошо, надеюсь, он как можно скорее отыщет Ле-эра, увы, в нынешнее время царит полный бардак — нет никаких записей о пропавших без вести и прочем, после объединения Поднебесной нужно установить контроль за регистрацией по месту жительства, который нужно будет тщательно вести на благо народа и государства. — Пристально взглянув на Жун Тяня, князь, почёсывая затылок, спросил: — Что означает твой озадаченный взгляд?

На что силэйский государь блёкло вернул со смехом:

— Чем старше ты становишься, тем больше в тебе ощущается талант управления страной.

Фэн Мин спешно помахал руками:

— Даже не думай сохранить и развить мои таланты, я не собираюсь становиться чэнсяном[3] или дачэнем[4], поскольку эта работа смертельно утомительная и нельзя будет выходить на прогулки и развлекаться.

Кто бы мог подумать, что Ло Юнь с холодом вставит слово:

— Даже если молодой господин обладает какими-то талантами, то у него нет навыков;

состояние семьи Сяо огромное, а он даже со своими обязанностями не справляется.

— Князь Мин, Ваши служанки могут войти, дабы позаботиться о Вас? — раздался снаружи звонкий голосок Цю Юэ.

Любительница совать свой нос в чужие дела кончиками пальцев чуть приоткрыла дверь, создав щёлку, и тихо прильнула к ней, заглядывая внутрь, где увидела — отбросив подглядывания за императорской парочкой — храбрых[5] Ло Юня с Жун Ху целыми и невредимыми, а все находящиеся в комнате люди были заняты обсуждением серьёзной проблемы.

Боясь быть обнаруженной и повторить «гибельную» ошибку Жун Ху, Цю Юэ осторожно вошла и продолжила:

— Ло Дэн стоит снаружи, он хочет спросить: найдётся ли у молодого господина свободная минутка поболтать.

Фэн Мин испугался:

— Неужели у Ло Дэна случилось что-то серьёзное?

— Не-ет, — поджав губы, со смехом отозвалась Цю Юэ. — Помнит ли князь Мин о свадьбе Жун Ху и Цю Лань, что устроили на корабле? Тогда князь Мин сказал: в будущем род Сяо может начать большое предприятие, позволяя народу совершать прогулку по реке Оман и играть свадьбу. Такая интересная работа может принести большой доход от влиятельных богатеев, которые наперебой станут расхваливать такое предложение, в этом нет сомнений. Ло Дэн, воспользовавшись этим шансом, специально придумал план и ещё написал целую стопку предложений, теперь хочет узнать мнение князя Мина.

Пребывавший в подвешенном состоянии князь успокоился и с большим интересом прервал короткое молчание:

— Вон оно что, хорошо, пойду гляну, какие способы заработка он придумал. — И, обратившись к Жун Тяню, махнул рукой, после чего переоделся и с огромным воодушевлением ушёл.

Ло Юнь отправился следом, а Жун Ху остался.

На что Жун Тянь спросил:

— Ещё что-то случилось?

— Верно, у Вашего подчинённого есть ещё новость, которую хочет доложить государю.

Словно что-то почувствовав, силэйский правитель остановил взгляд на Жун Ху:

— Специально дождался, когда князь уйдёт, и только тогда решил обратиться с докладом к этому государю. — С первого укола пошла кровь[6]. — Это касается Фэн Мина?

— Верно.

— Говори.

— По правде говоря, принц Юн И, помимо письма, прислал людей с одной вещью. По их словам, нашли её в Фэньчен, её продавали и покупали наперебой, сейчас немало таких вещиц можно повсеместно купить по очень высокой цене. — Выражение лица у Жун Ху было крайне странным, и, вытащив вещь из-за пазухи, перед тем, как отдать мужчине, он с осторожностью добавил фразу: — Государь, увидев, не позволяйте злости с лёгкостью охватить Вас.

Уголки губ поднялись, обнажая улыбку, в которой читалась шелковинка гордости, а сам Жун Тянь переубедил:

— Во всей Поднебесной не так уж и много вещей, способных с лёгкостью разгневать этого государя, не медли, давай сюда.

Жун Ху, скрепя сердце, заставил себя[7] передать только что полученную от гонца куклу князя Мина в руки Его Величества и с крайнем беспокойством взглянул на недоумевающего Жун Тяня, смотрящего на врученную фигурку, в итоге, что-то заметив, молодой мужчина поднял короткий халат, в который была облачена кукла...

Воцарилось леденящее молчание, которое прервалось через мгновение.

— Кто и где сделал эту вещь? — прозвучал довольно спокойный голос.

— Ваш подчинённый не знает.

— Вели Цзинь Я отправиться туда и всё выяснить. — В сдержанном тоне был слышен скрежет зубов, исходящий холод ужасал, и в один миг внезапно раздался тихий рык: — Без разницы, кто в этом замешан, этот государь хочет, чтобы он умер самой ужасной смертью даже без места погребения[8]! Этот государь хочет изорвать его в клочья! Сжечь его живьём! Колёсами повозки раздробить ему кости! Все, кто торговал или торгует этой гнусной вещью, заслуживают смерти!

— Подчинённый повинуется приказу. — Холодная дрожь охватила тело Жун Ху.

Действительно, во всей Поднебесной не так уж и много имелось вещей, способных с лёгкостью разгневать силэйского государя. Вот только кукла князя Мина, являющаяся точной копией оригинала, определённо одна из таких вещичек. Какой гнусный и бессовестный тип сотворил такое?

Маленький посёлок, разместившийся на реке Оман, в пятидесяти ли к югу от врага[9].

В неприглядный обычный дом, в котором за последнее время побывало несколько незнакомых мужчин, каждый день кто-то да наведывался в большей мере глубокой ночью и перед рассветом. Более того, в этой местности проживали крестьяне, вкушавшие изо дня в день нищету; поднимаясь на работу с раннего утра, они, вернувшись вечером домой, ложились спать, дабы восстановить силы для завтрашнего тяжёлого дня, поэтому их совершенно не интересовало, кто, а главное, зачем наведывался в тот домик по ночам.

Войдя в обветшавшую калитку, можно было увидеть старый, построенный из камней дом. Никто не догадывался, что в стенах этого каменного жилища, в погребе, куда не проникал солнечный свет, в тусклом пламени свечи находилось на первый взгляд уютное убежище, где, помимо белоснежной подстилки, также размещалась всякого рода изящная и богатая утварь.

На мягкой подстилке лежал разомлевший силуэт, стройный, гибкий — было очевидно, что это молодой мужчина, вот только плечи, которые не были столь широкими и неуклюжими, коими обладали обычные мужчины, наоборот, подчёркивали соблазнительное и изящное очарование, исходящее от молодого тела.

Его непринуждённый вид вовсе не казался растерянным, по-видимому, к настоящему положению вещей он относился спокойно.

Цепь, что сковывала белоснежные руки и ноги, неизвестно из какого металла была сделана, однако своим привлекательным серебристо-белым блеском — при первом взгляде — напоминала украшение. При любом лёгком движении пленника звенья, соприкасаясь друг с другом, издавали весьма мелодичный звон.

Где-то наверху раздался слабый отзвук открывающейся двери. В несколько тусклых лучах ясного солнца, что ворвались украдкой, тени заколыхались, но спустя мгновение дневной свет исчез, стоило крепкой толстой двери закрыться. Затем раздался до боли знакомый звук шагов.

— Ле-эр, я пришёл повидаться с тобой. — Изящная рука неслышно опустилась на плечо, казавшееся худощавым.

Юй Лан, заметив, что телохранитель князя Мина не отвечает, окинул взглядом царящую в погребе обстановку, и, чувствуя себя вполне удовлетворённым, мягко сказал со смехом:

— Не злись, что здесь несколько бедно. Если не станешь показывать свой прежний характер, то через несколько дней я выведу тебя отсюда полюбоваться речным пейзажем. — Опустившись к Ле-эру, мужчина сел вплотную и, вытянув руки, крепко обнял юношу.

Будучи заключённым в объятия, Ле-эр даже не прилагал особых усилий для сопротивления, более того, оставался в прежнем положении, позволяя прижать себя к груди, однако изящные брови сошлись на переносице, и с холодом, словно желая заморозить мужчину, Ле-эр неспешно вернул:

— Я не злюсь, я как раз обрадовался.

На что Юй Лан неслышно усмехнулся со словами:

— Будучи запертым здесь в четырёх стенах, ты в душе опечален, можешь по-всякому обзывать и ругать меня, я не разозлюсь, так зачем же лгать?

Ле-эр посмеялся над произнесённым:

— Верно-о, зачем лгать. Ты исчез на несколько дней, более того, держа меня в заключении, сменил несколько мест, так теперь ещё прячешься в этом погребе, наверняка снаружи что-то произошло хорошее, и кто знает, может, Юн И уже отыскал эту местность. Я очень рад, очень-очень рад. — Когда парень говорил, словно демонстративно смеясь, его бледные губы строптиво искривились в кривую ухмылку.

Но Юй Лан не рассердился, лишь неприятеляльным взглядом тихо посмотрел на Ле-эра, который засмеялся разок, но, поняв, что не дожждётся от мужчины какой-либо реакции, внезапно потерял интерес и, постепенно убрав улыбку с лица, отвернулся в сторону, возвращая прежнее равнодушие.

Два тела сквозь тонкий слой одежд медленно передавали друг другу слабое тепло, которое, переходя на кожу, понемногу просачивалось в кровь, а там и в сердце, заставляя его забиться хаотично, только едва заметно. До этого сквозящий в погребе воздух в царившем молчании сгустился, вызывая частое дыхание, как при духоте.

— Ты и впрямь злишься, — прервал тишину Юй Лан.

На что Ле-эр подумал: «Я вовсе не злюсь, лишь интересно, какое отношение Юн И имеет к тебе?» — подобные мысли неустанно вертелись в глубине души, и так хотелось, чтобы Юй Лан смог прочесть всё это на его лице, что юноша, ни на волос не скрывая, вцепился зубами в нижнюю губу. На прямой и изящной переносице появилась непоколебимость, не терпящая хождений вокруг да около.

Но Юй Лан упорно этого не замечал, наоборот, голос его зазвучал ниже, а сам мужчина ласково спросил:

— Ле-эр, позволишь поцеловать себя?

Мелкая дрожь внезапно охватила тело телохранителя Его Светлости, взгляд резко изменился, став свирепее, изо рта с зубным скрежетом вырвалось:

— Разве я не отведал той горечи, что ты мне причинил своей любовью и тем, во что она превратилась? Покажи всё на что способен, и дело с концом!

Юй Лан безудержно расхохотался и, цокая языком, вернул:

— Услышь твои слова кто-то посторонний, то ошибочно предположил бы, что я собираюсь тебя пытаться.

Холодная усмешка в очередной раз искривила губы Ле-эра.

Этот мужчина говорил сладко, как невинный, не прибегающий к невыносимо жестоким пыткам, человек.

Взяв инициативу в свои руки, Юй Лан сгрёб юношу и с манерами благородного припал к устам неглубоким поцелуем, только после поинтересовался:

— Неужели не хочешь узнать, по какой причине меня не было последние дни?

Услышав предложение, молодой человек едва кивнул, стиснув зубы.

Юй Лан, коснувшись, а потом немного отстранившись от горячих губ, зашевелил рукой и, будто мягко спрашивая, мозолистой от меча ладонью уже пробрался к Ле-эру под одежды, где стал слегка поглаживать низ живота, который то поднимался, то опускался.

— Я отправил людей, дабы встретиться с гонцом государя, после в обусловленном месте эта встреча состоялась и мне передали приказ Его Величества, в котором государь приказывает мне немедленно уничтожить те куклы князя Мина.

Деланно улыбнувшись, Ле-эр пролепетал:

— Оказывается, даже такой человек, как Жо Янь, также презирает то, что ты натворил. — Пока несколько слов произносились дрожащим голосом, сам телохранитель Его Светлости медленно хватал воздух ртом.

С тех пор, как юноша попал в руки Юй Лана, не было и дня, чтобы его, силэйца, не поили лекарством, от которого тело стало в несколько раз чувствительнее, чем раньше.

Будучи мастером в интимных делах, Юй Лан хорошо знал как тело, так и слабости Ле-эра, в итоге, несмотря на неспешные поглаживания, мужчина уже позволил ему, Ле-эру,

распалиться, подвергая страданиям. Ещё крепче обняв слегка подрагивающееся тело, Юй Лан горячими губами прижался к чувственному месту на загривке, слегка потёрся, после чего поднял улыбающееся лицо:

— Дело не только в этом, государь всё же вернул подаренную мной шэньцао[10]. Эту траву я изначально думал использовать на твоём князе Мине. — Создающий ощущение человека сведущего и начитанного[11], мужчина, как наследник государя, на самом деле в совершенстве владел искусством меча.

Легко пленённому Юй Ланом юноше раньше требовалось приложить немало усилий, чтобы высвободиться, а сейчас, обессилев, и вовсе невозможно было отстраниться; он чувствовал себя будто связанным по лапкам лисёнком, которому только оставалось наблюдать за каждым движением охотника, творившему с ним всё что взбрёт в голову.

При упоминании князя Мина Ле-эр временно прогнал мысли о ловко скользящей по телу руке и, задыхаясь, попытывался:

— Что ещё за шэньцао?

Юй Лан рассказал о действии травы, от услышанного страх охватил душу Ле-эра, к счастью, Жо Янь всё же обладал частичкой превосходных манер, присущих государю, потому и отказался прибегнуть к этой порочной дряни. Вот только откуда у них такая уверенность, что они смогут поймать князя Мина?

И в тот момент, когда юноша размышлял во мраке, между ног обдала жаром колющая боль. Мучительный стон сорвался с губ, Ле-эр двумя руками через силу сжал находящегося под платьем смутьяна главного преступника, совершавшего насилие, металлическая цепочка громко зазвенела, придя в движение. Ле-эр прошептал:

— Юй Лан, если хочешь меня, то смелее войди, к чему причинять такие мучения? — Тонкие брови сошлись на переносице, обнажая шелковинку боли, вместе с тем придавая юноше на редкость сексуально-обворожительный вид.

Сохраняя спокойствие на лице, Юй Лан, как и прежде, поцеловал кончик носа силэйца:

— Ты в каждом слове, в каждом звуке желаешь Юн И, если я возьму твоё тело, то какой в этом смысл? Неужели Юй Лан — безжалостный и подлый насильник? Ле-эр, не нужно быть столь заносчивым. — Свисающая на мягкую подстилку цепь, что огибала каменную стену, поднялась и неторопливо потянулась.

Чем больше она собиралась, тем короче становилась, постепенно отнимая возможность двигаться, вскоре руки телохранителя Его Светлости уже прижимались к стене, не позволяя Ле-эру пошевелиться. И парень с пренебрежением задал встречный вопрос:

— А мучая, к тому же безжалостно, и вынуждая умолять тебя, ты не являешься подлым насильником? Смешно, — озлобленно плюнул в Юй Лана Ле-эр.

Похоже, и впрямь мужчина никогда не впадал в ярость: наклонив голову, уворачиваясь, Юй Лан, наоборот, обнажил самую прекрасную улыбку, на фоне которой меркли небесные светила — солнце и луна:

— Ле-эр, слишком поздно, сейчас, даже если станешь умолять, я вряд ли соглашусь обнять тебя. Кто позволил тебе так ранить мою душу? — Когда он произносил последнюю фразу, в глазах не читалось какого-либо намёка, напротив, звучала искренняя нежность. Вместе со словами мужчина раздвинул ноги Ле-эра, который был облачён в платье, подобранное Юй Ланом: одежда была лёгкой и свободной, а снизу она почти отсутствовала. Подобный «наряд» практически ничем не отличался от того, что носила любимая наложница какого-либо знатного господина, дабы последний мог в любое время с ней развлечься.

Стоило поднять подол, и глазам Юй Лана тотчас предстало стройное белоснежное бедро. Ле-эр напрягся, цепь на лодыжке вновь мелодично зазвенела, но, усвоив урок, исходящий из тех нескольких попыток, совершённых ранее, юноша понимал: сколько бы он не сопротивлялся, так или иначе, ему не скрыться от этого мужчины. И пока Юй Лан не насладится вдоволь мучениями своего пленника, ни за что не отпустит. Потому парень незаметно вздохнул и, закрыв глаза, покорился судьбе.

Юй Лан шумно вздохнул, прошептал:

— Поступив так, думаешь, я немедля пощажу тебя? Ле-эр, чем больше ты подчиняешься, тем неохотнее тебя отпускать. — Этот человек обладал огромным умением, а именно — непревзойдённым навыком противоречить самому себе[12]: в устах звучало «не пощажу», однако, выпустив из ладони член Ле-эра, мужчина больше не причинял чудовищные мучения своим натиском — проведя по до боли искусанным губам, Юй Лан внезапно отстранился.

Развернувшись, мужчина лёг на мягкую подстилку и, положив голову на колени Ле-эра, что были приподняты не более чем на цунь[13], в то время как сам Ле-эр был прикован к камню, на изысканных чертах лица возникла тень усталости, веки опустились, и Юй Лан внезапно прервал молчание, приглушённо сказав:

— Подобное поведение государя заставило меня глубоко обеспокоиться. Шэньцао над такими людьми, как силэйский князь Мин, быстро возымеет эффект, став средством контроля, однако государь всё-таки отказался прибегнуть к ней, вероятно, он уже смутно оценивает значимость князя.

Тело юноши, что подверглось мучительной страсти со стороны Юй Лана, немного успокоилось, а сам Ле-эр, услышав это, опустил голову и воззрился на мужчину, чьё лицо было обращено к потолку и который продолжал держать глаза закрытыми, будто находясь в полусне, его иссиня-чёрные волосы рассыпались по мягкой подстилке, широкий лоб и высокая, прямая спинка носа, как ни у кого другого, ясно показывала одарённость этого человека, выделяя из

толпы. Его черты ни на шелковинку не изменились с былых времён, и сейчас, когда глаза были закрыты, а острый и чёрствый взгляд скрылся под веками, в облике всё больше чувствовалась обманчивая нежность.

Ле-эр, пользуясь столь редким моментом, молча склонился над мужчиной и пристально впился взором, вместе с тем казалось, что ему вновь слышится некогда прозвучавшая похвала: «Какой искусный мальчик...» — смутный отголосок тихого, наполненного безмятежностью и покоем голоса, доселе таившегося на задворках памяти.

Но стоило ненадолго предаться воспоминаниям, как в голове промелькнуло лицо Юн И, испугавшись, Ле-эр безжалостно, почти до крови, укусил нижнюю губу, тем самым пробуждая себя, после чего снова щемящее чувство охватило сердце.

Однако Юй Лан, будто ничего не замечая, с лёгкой улыбкой выплюнул, словно уже тщательно всё обдумав, принятое решение:

— Я хочу убить силэйского князя Мина.

— Что? — резко вздрогнул Ле-эр, заставляя цепь звонко зазвенеть.

— Я хочу убить князя Мина. — Юй Лан неспешно сел на мягкой подстилке, просто говоря: — Само существование этого человека несёт в себе страшную угрозу для государя. Уже случился один чудовищный разгром на реке Оман, подобная трагедия не должна повториться вновь. Он должен умереть.

В глазах мелькнула злоба и явное желание растерзать на куски. Скрежеща зубами, Ле-эр процедил:

— Юй Лан, ты думаешь, наш князь Мин — выкормленный тобой кролик или щенок? Думаешь, раз захотел убить, то немедленно это сделаешь? Если рядом находится наш государь, даже не вздумай прикасаться к волоску Его Светлости. — Душа была менее жестокой, чем сорвавшиеся с языка слова.

Чужие угрозы телохранитель Его Светлости не принимал близко к сердцу, но Юй Лан всего несколькими словами мог вогнать в холодный трепет. Этот человек вовсе не являлся тем, кто позволял себе голословно трепаться.

Чем больше беспокойство охватывало Ле-эра, тем спокойнее становился Юй Лан.

— Когда он попадёт ко мне в руки, я не только трону его волосы, но и — его жизнь. — Договорив, мужчина подошёл к двери, ведущей в погреб, и, согнув пальцы, дважды постучал по толстой древесине.

Массивная дверь открылась, впуская несколько солнечных лучей, но вскоре проём закрылся,

снова перед глазами появился Юй Лан, держащий на ладони небольшую миску, увидев которую, юноша сразу понял — опять нужно принять лекарство, и, стиснув зубы, гневно уставился на мужчину.

— Эти лекарства я варил, вкладывая всё умение, хоть оно не слишком вкусное, но всё же ради твоего здоровья. — Объясняя, мужчина с силой разомкнул сведённые челюсти пленника и мигом влил отвар в горло. — Ты должен был уже догадаться, что здесь налит яд, вот только незачем бояться, я каждый день даю тебе противоядие, вызывая бессилие в твоём теле: пилюля, что делает тебя чувствительнее, является противоядием; только бы ты покорно оставался рядом со мной, и этот сильнодействующий яд никогда не причинит тебе вреда.

Не имея какого-либо выбора, Ле-эр проглотил тёмно-зелёную густую жидкость; необычайно тяжёлый запах, оставшийся на коже над верхней губой, обдал нос, желудок пронзила жгучая боль, словно кипело раскалённое масло, сжигая всё на своём пути, боль была настолько мучительной, что стянула конечности, цепь от натяжения безостановочно позвякивала, рождая эхо.

Вскоре страдания постепенно сошли на нет. Лишь когда напряжение ослабло, тяжёлое дыхание вырвалось из груди, однако юноша, словно находящийся в забытьи, хранил недовольное молчание.

Мокрые от холодного пота тёмные волосы прилипли к таким же влажным щекам.

Юй Лан, ослабив цепь, обхватил парня и уложил на мягкую подстилку, спрашивая:

— Ты всё ещё думаешь о Юн И?

На что Ле-эр бесшумно отвернулся в сторону.

Неотрывно смотрящий на его утончённые очертания мужчина слегка улыбнулся со словами:

— Даже если скажешь, что не думаешь, я всё равно не поверю. — И, обняв силэйца, уткнулся лбом в выемку между ключицами, смоченную холодным потом, и долгое время больше не затрагивал данную тему.

Застывший на долгие минуты Ле-эр, почуяв, как мужчина лежит без малейшего движения, немного повернул голову. Кто бы мог подумать, что Юй Лан мирно уснул.

Ле-эр также изумился. Спустя мгновение, будто что-то рассчитав, он смог едва пошевелить руками, а цепь тотчас же пришла в движение, надоедливо зазвенев. И Юй Лан открыл глаза.

— Не вздумай, пока я сплю, давать волю своему нраву. — Взгляд мужчины был ясным, будто он вовсе не спал, сам же Юй Лан блёкло добавил, смеясь: — Я с тех пор, как сбежал юнцом из дома, по сей день не предавался по-настоящему безмятежному сну. Ле-эр, ты не понимаешь

меня. — Мужчина прижал ладонь к лицу юноши, и стоило лишь прикоснуться к отточенной и полной упругости коже, подчинённый Жо Яня почувствовал успокоение.

Далее он спокойно скользнул вниз по телу, вновь поместив руку на талию Ле-эра, дабы сильнее его обнять.

— Ты, оказывается, совсем меня не понимаешь, — шёпотом добавил он, потом снова замолк, проваливаясь в спокойный сон.

Примечания:

[1] 唸經 (yīn jīng) — иму шихан — обр. в знач.: быстро читать; беглое чтение.

[2] Жун Тянь упоминает события 100-й главы.

[3] Чэнсян — высшее должностное лицо в государстве, канцлер, главный помощник императора. При ханьской династии было два чэнсяна, и назывались они чэнсянами правой и левой руки.

[4] Государственный чиновник высокого ранга, сановник.

[5] В оригинале фраза звучит как «жёлчный пузырь величиною с целый ковш», обр. в знач.: великое мужество, безмерная храбрость, безграничная доблесть.

[6] «Кровь с первого укола» — обр. в знач.: попасть в самую точку; не в бровь, а в глаз.

[7] 硬骨 (yìng gǔ) — инчжэ тоупи — «отвердив кожу головы», обр. в знач.: с упорством; скрепя сердце; через не хочу, заставляя себя.

[8] 死無葬地 (sǐ wú zàng dì) — сыуцзаншэньчжиди — «не найти даже места для погребения»; умереть без места погребения — обр. умереть жалкой смертью, плохо кончить.

[9] Имеется в виду южнее от столицы Тун, где временно находятся Жун Тянь с Фэн Мином.

[10] Юй Лан упоминает события 210-й главы.

[11] В оригинале пишется, что Юй Лан прочитал «Шицзин»: имеется в виду китайский поэтический сборник «Шицзин», что говорит о человеке начитанном.

[12] 言行不一 (yán xíng bù yī) — яньсин буи — слова и действия не совпадают, слова расходятся с делом; разрыв между словами и поступками; говорить одно, а делать другое.

[13] Цунь — мера длины, около 3,33 см.

<http://bllate.org/book/13377/1190255>